

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

1

УЭСТ-МИНЧЕН

Мэгги сидела в кафе «У Сола». Рядом с ней остывала чашка чая, а от огромного куска шоколадного торта, который она только что съела, осталось лишь несколько крошек. За спиной текла унылая послеполуденная суeta главной улицы Уэст-Минчена с её продуктовыми магазинами, игорными заведениями, ресторанами и газетными киосками. Впрочем, Мэгги ничего этого не замечала — она смотрела на посетителей. Глаза Мэгги стали ещё больше, чем всегда, а на лбу проявилась глубокая складка, выдававшая сосредоточенность.

Женщина отчитывала своего маленького сына за то, что он опрокинул кофе. Её голос был взволнованным и сердитым; мальчик плакал.

На самом деле женщина разозлилась вовсе не из-за кофе.

Если бы кто-нибудь обратил внимание на Мэгги (но взрослые, как правило, не верят, что от детей может быть хоть какой-то толк), он бы увидел, что складка на переносице обозначилась ещё резче. Мэгги пыталась понять...

Это был не тот бурлящий дикий гнев, какой испытывала мама Мэгги, когда их бросил отец. На самом деле — вообще не гнев. Больше походило на то, что женщина слишком взвинчена.

Вдруг в мозгу словно что-то щёлкнуло, и всё встало на свои места. Мэгги поняла. Почувствовала. Женщина рассталась с другом или близким человеком. Они поругались или поссорились — что-то типа того. Несмотря на гнев, эта женщина чувствовала себя очень-очень одинокой...

На глаза Мэгги навернулись слёзы.

— Что ты уставилась?

Посетительница заметила её.

Мэгги открыла рот, но не произнесла ни слова. Как она могла объяснить ей?

Она вспотела, к щекам прилила кровь, и Мэгги покраснела. Женщина обняла сына.

— Прекрати на нас пялиться! Это невежливо.

Теперь они были едины — вдвоём против неё. Их собственная стычка позабылась. Мэгги почувствовала, как на неё накатывает уже знакомая алая волна.

Почему люди ведут себя так отвратительно? Она всего лишь хотела помочь!

Мэгги встала, с такой силой оттолкнув стул, что он отлетел к соседнему столику. Она вышла из кафе, хлопнув дверью, но напоследок успела услышать, как женщина пробормотала:

— Странная девочка.

Мэгги быстро шла по темнеющим улицам — мимо прилепившихся друг к другу домиков с террасами с жёлтым светом, льющим из окон. Она опаздывала.

Мэгги спешила не ради своей тёти Эсме — той всё равно, когда она вернётся домой, что будет делать и зачем. Она торопилась ради мамы и их еженедельного созвона — в пять часов вечера каждый четверг.

Мэгги срезала путь по переулку возле церкви и вышла к стоящим полукругом одинаковым причудливо украшенным домикам, от которых путь лежал обратно на хай-стрит и к Милтон-Лодж.

Милтон-Лодж был странным домом, выглядевшим так, словно тут обитали призраки. Он располагался в стороне от хай-стрит, на поросшей мхом гравиевой дороге, где вода после дождя часто собиралась в огромные лужи. Здесь, в однокомнатной квартире на первом этаже, и жила тётя Эсме.

Мэгги поплелась к двери. Зимняя тьма опустилась внезапно, как это всегда бывало, а фонарь с датчиком движения перестал работать. Мэгги, тем не менее, сумела разглядеть комок довольно густой шерсти — одноглазого кота, который, кажется, был ничьим, но частенько сидел на коврике у двери дома. Проходя

мимо, Мэгги погладила его. Старый кот коротко, но громко мурлыкнул и посмотрел на неё, надеясь, что Мэгги позволит ему убраться с холода и войти в дом.

— Прости, котик. Я бы впустила, но ты же знаешь, что Эсме тебя терпеть не может.

На самом деле это странно, потому что тётя Эсме, казалось бы, равнодушно относилась ко всему на свете. Кроме этого кота. Он был старым потрёпанным зверем, отставным уличным бойцом — судя по тонким рваным ушам. Из-за единственного глаза создавалось впечатление, будто кот весело подмигивает ей. И Мэгги могла поклясться, что порой он мурлычет что-то похожее на джаз. Впрочем, она часто воображала разные вещи, которых на самом деле не существовало.

— Может, завтра.

Это вроде бы удовлетворило кота. Опустив круглую голову, он снова принялся наблюдать за машинами, проносившимися по тёмной узкой дороге.

Едва войдя в унылый пыльный коридор, Мэгги услышала телефонный звонок.

— Чёрт!

Она бросилась открывать дверь квартиры № 1, но ключ поворачивался в замке хитрым образом, и теперь, когда Мэгги поспешила, он застрял. А гудки, казалось, становились всё пронзительнее и пронзительнее. Мэгги почти слышала мысли своей матери: «На эту девчонку ни в чём невозможно положиться. Она пропащая».

Наконец дверь распахнулась. Мэгги ринулась в гостиную и схватила старый телефон с чёрным

диском — вероятно, последний, который ещё использовался, а не стоял в музее.

— Алло?

— О, ты здесь? Я уж и не думала, что ты возьмёшь трубку.

— Я... я принимала ванну.

Мэгги сама не знала, зачем соврала, но врала она маме часто. Это была привычка, инстинкт самосохранения.

— Ты же знаешь, что мы созваниваемся в пять вечера каждый четверг. Это единственное, о чём я прошу.

— Я не думала, что уже так поздно.

— И не выливай всю горячую воду Эсме. Ванна в пять часов?

— Прости.

— Не передо мной извиняйся. Это вода Эсме.

Последовала долгая пауза. Синтия Браун вспоминала советы психотерапевта насчёт того, как общаться с дочерью.

— Как дела в школе на этой неделе? — наконец спросила она.

— Всё отлично.

— Тебе нравятся занятия?

— Да.

Теперь Мэгги сделала паузу — ей нужно было, чтобы ответ прозвучал правдоподобно.

— Кроме математики. И я терпеть не могу французский. А в остальном всё в порядке.

— Оценки хорошие?

— Да, нормальные.

Необязательно выкладывать маме правду прямо сейчас. Это может подождать до конца семестра.

— У тебя появились друзья? Трудно приспособиться к новой школе на втором году обучения, да ещё через две недели после начала семестра.

Она что, читает по бумажке?

— Все очень милые, — сказала Мэгги в ответ.

— Что ж, тебе определённо повезло.

Ненадолго мамин голос стал знакомым, настоящим — таким, к которому Мэгги привыкла, но тут же разговор вернулся в прежнее русло:

— Ты ведь сказала бы мне, если б что-то было не так, верно? Ты же знаешь, что мы всегда можем поговорить.

Мэгги мысленно вздохнула. Почему взрослые постоянно это повторяют?

Ладно же: я ненавижу это место. Я скучаю по дому. Я скучаю по морю. Я ненавижу школу. У меня нет ни одного друга. И знаешь что? Они мне не нужны. Я торчу здесь, в этом унылом пригороде, с сумасшедшей тёткой, которую — как всегда говорил мне папа — ненавидела вся семья. Я живу в её крошечной квартирке, потому что ты не можешь справиться с такими элементарными вещами, как встать с постели и сходить в супермаркет!

А если Мэгги просто скажет, что ей трудно? Каков будет ответ?

«Думаю, ты ведёшь себя неправильно. Так ты никогда не заведёшь друзей. И нам очень повезло, что Эсме согласилась тебя приютить. Ты совершенно не думаешь обо мне...»

И так далее, и тому подобное.

В общем, Мэгги просто ответила:

— Я знаю, мам. Спасибо.

Последовала ещё одна длинная пауза.

— А отец с вами связывался?

Голос Синтии мгновенно стал жёстче при одном упоминании о нём.

— Нет.

— Ты уверена?

Мэгги вздохнула.

— Уверена.

— Он сказал, что собирается вас навестить, и я чётко дала ему понять одну вещь: он не должен приводить с собой ту женщину.

— Он не приходил. И даже не звонил мне.

— Просто чтобы внести ясность: та женщина не должна переступать порог дома твоей тётки.

Закончив разговор, Мэгги села на край дивана в забитой вещами комнате и позволила темноте сгуститься вокруг неё. Эсме была той ещё барахольщицей — огромный ветхий диван, на котором спала Мэгги, днём загромождали книги, ноты и старые газеты. Перед сном приходилось всё это убирать.

В комнате пахло пылью из углов и гниющими древними книгами. Также — неведомо зачем — Эсме держала здесь огромное чучело совы, стоявшее в прозрачном ящике на пианино. В каком бы месте комнаты вы ни находились, казалось, что сова смотрит на вас.

При виде этих огромных жёлтых глаз, похожих на мраморные шарики, Мэгги стало грустно. Сова выглядела свирепой, но она была мертва, превраще-